

ДИРИЖЁР

Что кричал паровозу его кочегар,
скрылось дымом за первой сосной.
Что пчела нажужжала, вкушая нектар,
растворилось в ложбине лесной.

Свиристель, соловей ли – певучую вязь
всю впитал этот воздух густой.
Да и что нашептали нам духи, виясь,
с недоступной для нас частотой?

Как оглох, тайных звуков и знаков ловец:
для ключей не находит замков, –
ловит лишь колебанье воздушных колец
завихренья ночных ветерков.

С молоточками среднего уха – надсад:
не для тонкого мира они.
Только прю и куют, и куют, и стучат,
кузнецу с наковальной сродни.

А меж тем – за доступною слуху страной,
прямо здесь, возле сердца и плеч, –
все симфонии космоса, хор неземной,
гул подземный,
древесная речь.

И судьбы шелестящее веретено,
голос крови и пульс нитяной,
зов потомков и предков моления,
но –
Дирижёр к нам повёрнут спиной.

ЗИМА

Только сиди да слушай,
и тебе принесут,
что про Игольные Уши
думает сам верблюд,
где предрассветный чочет
криком делает знак,
что сам себе бормочет
в тёмном углу Бедняк.

Тянет корявые руки
в масляной тьме густой
к словоохотливой щуке,
к яблоньке золотой,
к сказочному копытцу
лучшей из антилоп.
Пусть же ему приснится
клад и хрустальный гроб.

Замок и холм покатый.
Лестница, ночь, зима...
И как по ней Богатый
Тихо
сходит

с ума.

ВЫМЫСЕЛ

Себе придумав родословную:
«Дед – князь из рода Дадиани»,
обиду подгоняешь кровную
под бурю чувств в твоём стакане.

И якобы, в придачу к титулам –
таков рассказ твой сокровенный –
был дед назло семейным идолам
рукоположен в сан священный.

И якобы в дорогу узкую
увлёл с собой он, сгрёб в охалку
одну танцовщицу французскую,
княжну – твою родную бабку.

Грузин, а в храме католическом
он обвенчался, но с налёта
ты в трепете своём мистическом
твердишь про «кирху» отчего-то...

Твой странный блеск между ресницами
профанов мажет по сусалам
несбыточными небылицами
и сном о веке небывалом!

ходят слухи, воплощаясь, в мыслях духи водятся.
Выгоняешь злую страсть – складкою
высовывается,
расколдовываешь мир – а он заколдовывается.

Люди нагляделись в ночь с зеркалами грязными,
а оттуда – оборотни с криками бессвязными,
двойники и шулеры, демоны и выхухоли,
атеиста-дедушку из могилы выкопали.
Выгоняешь нечисть прочь, а она высовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается.

Люди бьются за еду, стайками слипаются,
засыпают на ходу и не просыпаются.
Хоть труби ты им в трубу – мечутся и маются,
Повторяют «бу-бу-бу», а не пробуждаются.
Только цепи разорвёшь – новая выковывается,
расколдовываешь мир – а он заколдовывается.

По науке объясни, почему так складываются
плоть с душой и лик с лицом, яблоня и падалица,
а в зазорах и щелях – ужас набивается,
мёртвый дедушка с толпой под шумок сливается.
Выправь схему и ранжир –
ан не утрамбовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается.

БЕГСТВО

Я осуществила бегство в болезнь:
в немощи телесной и дух мой хвор.
По ночам я слышу бессонную песнь:
стареньких вещей моих разговор.

Вспоминают страсти, спорят, кто прав.
Жизнь мою раскручивают задом наперёд:
туда, где я боялась – дубовый шкаф
с незакрытой дверцей меня заберёт.

Иль из-под кровати выскочит хорь,
прогрызёт материю, влезет в рукав.
Бабушка приходит, говорит мне: «Корь»,
и навек ложится в зеркальный шкаф.

С коврика тарасит олень глаза,
и у куклы в буклях щека в крови...
Я болею так же, как бирюза:
гасну и тускнею от нелюбви.

Я бы и сейчас, пока не умолк
весь этот театр, таящий весть,
так бы и ждала, что сказочный волк
подтвердит: как названо, так и есть.

Ничего не умерло. Тот провал,
что скрывал пропавшее и темнил,
всё, над чем ты плакал, что целовал
да в слова обёртывал, – сохранил.

БЫЛЬ

Как позвал Илья-Пророк Угодника Николая
обойти нашу землю, пройти полями-лугами.
И пустились в путь, ничего здесь не узнавая,
невесёлыми ступали ногами.

Наконец встретили дурачка на поляне.
Решили порасспросить о мире, о человеках:
– А есть ещё наши люди?
А где крестьяне?
А где пушные звери в лесах?
Где рыба в реках?

Где пахари и косари, что встают до свету?
Есть ли ещё мужики в этом народе?
Отвечает им дурачок:
– У нас теперь этого нету:
ни мужчин, ни женщин. Каждый одевается
по погоде.

Все теперь ровня – жена ли, муж ли:
у всех застёжка на брюхе.
Мужики рожают, бабы платят, а дети
отрываются и балдеют,
а старики и старухи
сидят в фейсбуке и в интернете.

– Ну а молитва? А песни свои поются? –
спрашивают странники.
Отвечает им бедолага:
– Да песни как раз найдутся,
Хотя бы вот эта, где м-м и где джага-джага.

И пошли Илья-Пророк со святым Угодником –
Божьи птицы,
головами качают, услышанное никак
не свяжут.

И вдруг засмеялись оба:
– Экие небылицы!
Кто у дураков-то спрашивает?
Они и не то нам понараскажут!

А дурачок собрал убогих, сирых и малых
и пересказывает им подробности этой сцены:
– Они думали, я не понял... Но я узнал их!
Ждут нас счастливые перемены!